

Уваров (граф Алексей Сергеевич, 1828 - 1884) - известный археолог. Склонность к занятиям археологией в нем воспиталась с ранних лет под влиянием отца его графа Сергея Семеновича и знакомства с Погодиным, Грановским и другими историками. Окончив в 1845 г. курс в Санкт-Петербургском университете, Уваров довершал свое образование в Берлине и Гейдельберге.

В 1848 г. предпринял исследование древностей на юге России и результаты издал на русском и французском языках под заглавием: "Исследования древностей южной России и берегов Черного моря". Первым же трудом своим граф Уваров завоевал себе видное место среди наших исследователей. Работая сам, граф Уваров заботился и о возможности работы для других; он всячески поощрял труды археологов и выдавал за них премии из своих средств.

В 1851 г. он снова отправляется на раскопки в древнее княжество Суздальское и отрывает там 757 курганов. На основании этих раскопок он написал: "Меряне и их быт по

курганным раскопкам". В 1853 и 1854 годах ему поручаются раскопки в Таврической губернии. В следующие годы его деятельность прерывается событиями середины 50-х годов, а также утратой отца. В память его он в 1857 г. учреждает Уваровские премии при Академии Наук. В это же время граф Уваров был избран управляющим отделом русской и славянской археологии. Поездка за границу и изучение памятников искусства в Италии и Греции отвлекали его на некоторое время от трудов по русской археологии, и только в 1861 г. он снова принимает близкое участие в деятельности арх. общ.

В 1864 г. в Москве открывается московское археологическое общество, граф Уваров переселяется туда и занимает в новом обществе пост председателя, который и остался бессменно за ним до самой его смерти. Единогласно избранный, Уваров произнес речь, в которой наметил тот путь, который так блестяще был пройден впоследствии московским археологическим обществом под его руководством. Устройством археологических съездов граф думал много сделать в этом направлении; по его мысли они создались и собираются через каждое трехлетие в одном из шести русских городов, наиболее богатых остатками прошлого. Для возбуждения интереса к старине и для добывания возможно больших сведений об имеющихся там и сям памятниках, граф Уваров предложил обществу отнестись к епархиальным начальствам с просьбой, чтобы они пригласили настоятелей монастырей и приходских церквей к сообщению сведений обо всех имеющихся у них древностях, а также предложил просить губернские статистические комитеты, чтобы они сообщали археологическому обществу сведения о древностях губернии и о собирателях их.

Уваров умел направить работу общества, и его инициатива положена в основании многих трудов и научных предприятий общества. По его мысли начаты были: палеографические сборники надписей, находящихся на вещ. предметах, археологический словарь и критический и библиографический отделы при журн. общ., сборник археологических материалов, "Археологический синодик", издания альбомов древностей Новгорода, Пскова, Рязани и Троице-Сергиевой лавры. Он возбудил вопрос об устройстве археологической выставки во время археологического съезда в Москве. По его инициативе составлялось руководство для раскопок в курганах и для производства изысканий. По его предложению было произведено исследование курганов кривичей, городищ северян и древностей тверской Карелии; он первый заинтересовался первопечатником Иваном Федоровым и содействовал составлению его биографии.

В 1881 г. вышел I т. его сочинений: "Археология России. Каменный период". Завершилась его деятельность устройством Исторического музея в Москве. К июню 1883 года коллекции были собраны и часть музея открыта. Кроме трудов отдельно

издававшихся, граф Уваров поместил много своих сочинений в "Древностях", издании Московского Археологического Общества, а также "Археологическом Вестнике". Полный перечень его трудов в книге: "Незабвенной памяти графа А.С. Уварова" (Казань, 1885).

А. А. Формозов

А.С. УВАРОВ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ.

Известный русский археолог А.С. Уваров умер более 100 лет назад. Помимо десятка некрологов вскоре в Москве и Казани появились два сборника статей, содержащие панегирические оценки его деятельности. Через четверть века были изданы трехтомное собрание мелких трудов Уварова, I том оставшейся в рукописи книги «Христианская символика» и третий сборник статей его памяти. Оценки за этот срок несколько не изменились (литературу об Уварове см. в [1, с. 396, 397]).

Но еще в 1905 г. в Петербурге увидела свет статья А.А. Спицына «Владимирские курганы», где о наиболее известных раскопках Уварова говорилось с осуждением как о методически несовершенных, в сущности бесплодных для науки и приведших автора к ошибочным выводам [2, с. 84-90].

В первые послереволюционные годы ученые старой школы - С.А. Жебелев [3, с. 122-124] и В. Готье [4, с. 8, 9] - продолжали писать об Уварове как об основоположнике археологии в России. Затем ситуация изменилась. В 1930 г. В.И. Равдоникас обрисовывал деятельность Уварова только черными красками [5, с. 35-38]. С ним был согласен и А.В. Арциховский. От университетских курсов 1930-х годов [6, с. 194] и до конца дней [7, с. 530-533] он повторял, что Уваров загубил для науки 7000 курганов, был достойным наследником своего отца - мракобеса С.С. Уварова и оставил кучу дилетантских сочинений, сейчас никому не нужных. До геркулесовых столпов дошел историк музейного дела А.М. Разгон. Рассказывая о состоянии памятников прошлого в России, он не нашел лучшего примера варварского отношения к памятникам, чем все те же раскопки владимирских курганов [8, с. 90], а в другой статье утверждал, что Российский Исторический музей создал вовсе не Уваров, а Н.И. Чепелевский (можайский дворянин, привлеченный к делу в качестве помощника Уваровым) [9, с. 235-237], Даже могила ученого на кладбище Новодевичьего монастыря - филиала основанного Уваровым Исторического музея - была в 1930-х годах сравнена с землей.

Отрезвление наступило в годы «оттепели» [10, с. 75-79]. В книге 1961 г. «Очерки по истории русской археологии» [11, с. 85-88] я подчеркнул заслуги Уварова в сложении нашей науки. Это не осталось незамеченным за рубежом. В парижском журнале «Возрождение» вышла рецензия на мою книгу, где главное ее достоинство усматривалось в том, что наконец-то и в советской России сказано доброе слово об Уварове [12, с. 129-132]. Могила его на Новодевичьем кладбище была восстановлена. Муромский краеведческий музей, вобравший в себя часть коллекций из уваровского имения Карачарово, провел в 1990 г. «Уваровские чтения». Решено сделать их постоянными. В

тезисах прочитанного тогда доклада В.А. Лапшина сказано, что раскопки владимирских курганов отвечали не только уровню середины XIX в., но даже начала XX в. и должны оцениваться как образцовые [13, с. 9-11].

В этой связи уместно вернуться к вопросу о роли Уварова в истории русской археологии. Литература о нем вроде бы и велика, но авторы конца XIX - начала XX в. не все могли договорить до конца, а дальнейшее развитие науки позволяет по-новому расставить некоторые акценты.

Алексей Сергеевич Уваров родился 28 февраля 1825 г. Он был единственным сыном памятного в истории русской культуры Сергея Семеновича Уварова (1786-1855). Память эта мрачная, что сказалось и на оценке деятельности его сына. Поэтому надо сказать и об Уварове-старшем. Генеалогическая традиция возводит род Уваровых к жившему в XV в. мурзе Минчаку [14, табл., 1], однако в этой родословной целый ряд темных мест. Дед археолога, Семен Федорович, любимец Г.А. Потемкина, был флигель-адъютантом Екатерины и командовал Лейб-гренадерским полком. Потемкин прозвал его Сеня-бандурист [15, с. 169; 16, с. 23].

Покровители умершего в 1788 г. Семена Федоровича позаботились о его сыне, в 15 лет он начал службу в Министерстве иностранных дел и был послан для совершенствования наук в Геттингенский университет. Состоял при посольствах в Вене и Париже. В период Отечественной войны 1812 г. занимался тем, что сейчас называют контрпропагандой. Карьеру свою он сделал, однако, не на дипломатическом поприще. В 1811 г. он женился на дочери графа Алексея Кирилловича Разумовского Екатерине (старше его на несколько лет), стал богатейшим человеком и быстро двинулся по служебной лестнице. От Разумовского к Уварову отошли 11 тысяч крепостных и имения, в том числе подмосковное Поречье и Карачарово под Муромом. А.К. Разумовский - племянник фаворита Елизаветы Петровны и внук простого казака Григория Розума - был в эти годы министром народного просвещения. Сергей Уваров сразу же получил пост попечителя Петербургского учебного округа, затем, в 1818 г., был назначен президентом Академии наук, в 1832 г. - помощником министра народного просвещения и в 1834 г. - министром и председателем Главного управления цензуры. В 1846 г. удостоен графского титула. В 1833 г. С.С. Уваров провозгласил пресловутую формулу: «православие, самодержавие и народность» и стал проводником реакционного курса Николая I в области культуры.

Хорошо известно о враждебных отношениях Пушкина и Уварова. Предполагают даже, что тот сыграл свою роль в травле поэта, приведшей к его гибели (сводку см. [17, с. 428-430]). В феврале 1834 г. Пушкин записал в свой дневник: «Уваров большой подлец...

негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкринна на посылках. Он крал казенные дрова и до сих пор у него есть счеты... Казенных слесарей употреблял в собственную работу» [18, с. 337].

Одним словом, Сергей Уваров был личностью аморальной. Сын его эти качества не унаследовал. Все, что мы про него знаем, говорит о нем как о порядочном человеке. Но идеи, проповедовавшиеся отцом, он разделял и всю жизнь держался консервативных позиций. После смерти отца учредил в 1856 г. Уваровские премии в Академии наук в 3000 рублей.

В то же время реакционер С.С. Уваров был очень начитанным, одаренным человеком. Его ценили как собеседника И. Гете, А. Гумбольдт, Н.М. Карамзин. В 1815-1817 гг. он был членом литературного объединения «Арзамас», куда входили В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, декабристы М.Ф. Орлов и Н.И. Тургенев, юный «Сверчок» - Пушкин. Перу С.С. Уварова принадлежит серия работ о классической древности - об элевсинских мистериях (1811), древнегреческих трагиках, догомеровской эпохе. Именно он убедил Н.И. Гнедича переводить «Илиаду» гекзаметром. Не все было отрицательным и в его деятельности на посту министра просвещения и президента Академии наук. При нем были созданы Пулковская обсерватория и Археографическая комиссия. Он организовал поездку за рубеж для подготовки в немецких университетах группы молодых русских ученых, ставших по возвращении профессорами Московского университета (Т.Н. Грановский, В.С. Печерин, Д.Л. Крюков и др.).

Благодаря тому, что С.С. Уваров общался с цветом русской интеллигенции, его сын с детских лет знал ведущих наших ученых. Некоторые взаимоотношения с людьми, и добрые, и враждебные, были унаследованы им от отца. Посещая Москву, министр приглашал в свою подмосковную усадьбу Поречье профессоров Московского университета. Здесь они читали лекции, обсуждали разные проблемы. Среди посетителей были Т.Н. Грановский, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, петербуржцы В.А. Жуковский, П.А. Плетнев. Погодину и Шевыреву С.С. Уваров покровительствовал. Западники же тяготели к попечителю Московского учебного округа С. Г. Строганову. С ним С.С. Уваров враждовал и, в конце концов, заставил его уйти в отставку. В Поречье были богатейшая библиотека, собрания антиков и картин. Все вместе взятое сыграло свою роль в формировании личности Алексея Уварова. Он получил прекрасное образование, знание древних и новых языков, вкус к занятию древностями.

Первоначальную подготовку юноше дали домашние учителя. В 1841-1845 гг. он в Петербургском университете на отделении словесности философского факультета. Руководителем его был эллинист Ф.Б. Греффе, академик и профессор. В архиве Уварова

сохранились конспекты лекций Н.Г. Устрялова по русской истории, Э.Е. Шлитгера по римским древностям [19, с. 14]. По окончании университета Алексей начал службу в Министерстве иностранных дел (как в свое время его отец), в канцелярии министра К.В. Нессельроде. В 1848 г. ездил с дипломатическим поручением в Неаполь, а в 1846 и 1847 гг. - в немецкие княжества. Тогда он смог послушать лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Это было недолго (2-4 месяца), но показательно, что выбраны были германские университеты, а не Сорбонна, где чуть позже С.М. Соловьев бывал на лекциях Ж. Мишле и Ф. Гизо. Для С.С. Уварова революционная Франция совершенно не приемлема. И его сын, посещавший позднее Париж и использовавший труды французских археологов, оставался ближе к немецкой, чем к французской науке. Наряду с дипломатической службой шла и придворная: Алексей был камер-юнкером. Отец выделил ему имение Карачарово. Там был устроен чугунолитейный завод.

В те же годы Алексей начал коллекционировать древние монеты и вошел в кружок петербургских антиквариетов, собиравшихся каждую субботу на квартире Я.Я. Рейхеля. В него входили Б.В. Кене, Ф.А. Жиль, С.А. Гедеонов, П.Ю. Сабатье, И.А. Бартоломей, Х.Д. Френ, А.А. Куник, П.С. Савельев, Э.Г. Муральт, А.Ф. Прейс и др. В 1846 г, у Кене возникла мысль создать на основе кружка Археолого-нумизматическое общество по примеру учрежденного за год до того Географического. В число членов-учредителей вошел и А.С. Уваров.

Нет оснований говорить, как иногда делается, что общество, подобно позднему московскому, организовано именно им. Есть веские основания считать, что Уваров был привлечен лишь как сын министра, полезный для помощи в устройстве дел общества. И, правда, он помог быстро получить высочайшее одобрение на открытие общества и денежную субсидию, сам не раз жертвовал значительные суммы. В целом же общество воспринималось многими как созданное «немцами под фирмою Рейхеля» [20, с. 535]. Действительно, процент иностранцев среди учредителей высок, хотя, пожалуй, меньше, чем среди учредителей появившегося раньше, в 1839 г., Одесского общества истории древностей (там 20 человек из 36) [21, с. 517, 518]. Объясняется это скорее всего тем, что интерес к древностям питали ренессансные традиции, сильные в Западной Европе и не характерные в таких формах для русских.

Уваров оказался очень активным членом общества. Он подарил ему несколько коллекций монет и предложил начать составление археологического словаря, представив образчик статей на букву «А». Он же выделил из своих средств деньги на премии в 300 рублей серебром за научные сочинения, написанные на заданные темы. Такие известные труды, как «О металлическом производстве в России до конца XVII столетия» и

«Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России» И.Е. Забелина; «История русских школ иконописания до конца XVII столетия» Д.А. Ровинского написаны на темы, предложенные Уваровым. Работу Ровинского он позднее издал за свой счет [22, с. 278, 163; 23, с. 183-190].

Так еще в 1840-х годах проявились сильные стороны Уварова - его стремление вести исследования не стихийно, а по заранее выработанным программам, щедрость мецената и организаторский талант.

Средствами на раскопки общество не располагало. Богатый Уваров решил провести исследования за свой счет. В 1847 г. при обсуждении проблем, связанных с историей Северного Причерноморья, была составлена программа, которую Уваров взялся осуществить. Предполагалось осмотреть памятники побережья Черного моря от устья Дуная до Диоскуриады (Сухум). В ряде очерков об Уварове говорится, что эту программу он осуществил полностью. Из его публикаций видно, что это не совсем так.

Поездка была проведена в 1848 г. Уварова сопровождал выпускник Академии художеств М.Б. Вебель, выполнивший рисунки древностей, приложенные к отчету о поездке. Н.И. Веселовский утверждал, что с Уваровым ездил и П.Ю. Сабатье, написавший потом книгу о Керчи [22, с. 29, 208]. В этой книге 1851 г. сказано о поездке в Керчь «прошлым летом», т. е. в 1850 г. и о посещении тогда же Тамани [24, с. 3]. Видимо, Уваров и Сабатье путешествовали врозь, но поделили обследуемый регион: Уваров взял на себя Ольвию и районы к западу от нее, Сабатье - Керчь и азиатский Боспор.

Исследовательская часть поездки началась с Екатеринослава и Днепровских порогов, где Уваров осмотрел многочисленные курганные поля и собрал сведения о находках сверленных топоров из серпентина и византийских монет. Он побывал на Каменском городище и для того, чтобы определить, какой древнегреческий город здесь располагался (по его мнению, упомянутый Птолемеем Серимо), прибег к помощи известного астронома Д.М. Перевощикова, рассчитавшего положение места в сравнении с данными Птолемея. Основной исследователь городища - Б.Н. Граков отмечал, что Уваров датировал памятник верно – IV-III вв. до н.э., но с Серимоном отождествлял его ошибочно [25, с. 36]. Окрестные курганы Уваров считал скифскими, полагая, что именно здесь находились Герры.

Отсюда путешественники направились к устью Буга, где надолго задержались в Ольвии. Изданная в 1851 г. книга «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря графа Алексея Уварова» (СПб., 138 стр.+альбом), написанная в 1849-1850 гг. в Карачарове, в значительной мере (более 100 с.) посвящена именно Ольвии. Автор использовал труды греческих и латинских авторов: Павсания, Геродота, Диона

Хризостома, Плиния, Арриана, Помпония Мелы - и книги и статьи тех, кто до него обследовал Ольвию: П.С. Палласа, И.П. Бларамберга, Е.Е. Келера, П.И. Кеппена. Сам археологических раскопок он не вел, даже испытывал перед ними явную робость. Так, на Золотом мысу, на пути из Херсона в Ольвию, он наткнулся на следы грабительских раскопок. Были видны обнаженные от земли каменные кладки. Крестьяне рассказывали о найденных здесь больших сосудах (амфорах?). Но Уваров доследовать это место не решился. Все же планы у него были большие. Он прикинул, что на раскопки кургана средней величины потребуется полтора дня, значит, за лето можно вскрыть 140 курганов. Здесь уже чувствуется та гигантомания, что пагубно сказалась на позднейших владимирских раскопках. Пока же Уваров получал и покупал у крестьян случайные находки: монеты, сосуды и смог изучить и издать вещи из любительских раскопок одного из ольвийских курганов, проведенных в 1842 г. Г.Г. Кушелевым-Безбородко (золотые маска, гривна, лавровый венок).

Книга написана в основном на эпиграфическом и нумизматическом материале. Благодаря этому были намечены основные этапы истории Ольвии, но надо учесть, что еще в 1843 г. подобная работа была проделана немецким эпиграфистом Августом Беком. Помимо политической истории Уварова в первую очередь интересовало восстановление древнего быта. Та же задача ставилась и в позднейших его книгах о мерянах и каменном периоде. Бытовое направление в исторической науке возникло в первой половине XIX в. как следствие антикварного периода в развитии науки о древностях. Раскопки велись сначала для того, чтобы найти мечи и шлемы гомеровских героев, викингов или древних славян и таким путем иллюстрировать данные письменных источников.

После Ольвии Уваров посетил остров Березань, заехал в Одессу, где познакомился с членами Общества истории и древностей и собранными ими коллекциями, а затем направился к устью Дуная. В Молдавии он интересовался в основном нумизматикой и древними рукописями. Эта часть путешествия описана во втором выпуске «Исследований» (46 с.), увидевшим свет в 1856 г. В 1856-1860 гг. появился перевод обоих выпусков на французский язык, выпущенный за счет автора.

Как должны мы оценить первый труд Уварова сегодня? Ю.Г. Виноградов писал в 1989 г.: «Образцовые для своей эпохи в археологическом и нумизматическом отношении сочинения А.С. Уварова и Б.В. Кене в своих основных исторических разделах выглядят очень слабыми и не соответствуют даже уровню современной им науки» [26, с. 8]. Высоко оценил работу Уварова основной исследователь Ольвии Б.В. Фармаковский («мастерский набросок»). Он считал, что, хотя собственные изыскания Уварова в Ольвии дали мало, им намечена зато программа раскопок, позволившая в дальнейшем планомерно и обдуманно

изучить динамику развития города в отдельных его частях [27, с. 3-5]. Пожалуй, о первой книге Уварова вернее всего сказать так: автор показал себя знающим антиковедом, достойным сыном своего отца, разбирающимся в нумизматике и эпиграфике, человеком, стремящимся решать исторические вопросы по археологическим данным, но не рискующим еще начать раскопки и не давшим нечто принципиально новое для античной археологии.

Вскоре после первой поездки по Югу России Уварову пришлось принять важные решения. Его отец потерял пост министра народного просвещения. После европейских революций 1848 г., в начале «страшного семилетия», «моровой полосы» (А.И. Герцен), даже курс С.С. Уварова показался Николаю I чересчур либеральным. Вскоре старика разбил паралич, и, оставив Петербург, он перебрался в Москву и Поречье. 24-летний Алексей Уваров оказался вполне самостоятельным, но уже менее нужным для окружающих человеком. Он добился перевода из Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел на должность чиновника по особым поручениям в чине надворного советника. Министром был Лев Алексеевич Перовский (1792-1856) - незаконный сын А.Г. Разумовского (фамилия дана по подмосковному Перову). Так что начальником молодого Уварова стал его дядя. Но дело было не только в этом. После открытия в 1830 г. в кургане Куль-Оба золотых произведений античного прикладного искусства археологические раскопки в России стали разворачиваться все шире и шире. Следить за ними было поручено министру внутренних дел. Назревало создание центрального археологического органа страны. Была создана Комиссия для исследования древностей. 30 августа 1852 г. вышел указ о подчинении Перовскому всех археологических изысканий в России. Перевод по службе означал для Уварова отказ от дипломатической карьеры и выбор работы на археологическом поприще.

В 1854 г. он составил для Перовского «Всеподданейший отчет об археологических разысканиях в России в 1853 г.». Полный текст сохранился в архиве Уварова и был издан после его смерти [28, с. 58-125]. В 1855 г. напечатано «Извлечение» из этого отчета. Просматривая отчет, мы узнаем знакомое нам построение «Отчетов археологической комиссии» - обзор раскопок, случайных находок, древностей, приобретенных покупкою. Очевидно, в 1852-1854 гг. уже намечалось создание чего-то вроде Археологической комиссии во главе с Перовским, а реальной действующей силой ее должен был стать Уваров (как позднее И.Е. Забелин при С.Г. Строганове). С 1853 г. Перовский возглавлял Кабинет его величества. Вслед за ним перешел в это ведомство и Уваров, числившийся там до 1857 г. На придворной службе он достиг чина камергера.

В 1850 г. Перовский предложил своему подчиненному провести раскопки каких-нибудь древнерусских памятников, например Новгорода Великого. Уваров ответил, что раскопки в Новгороде велись не раз (что знаем мы об этом?) и всегда безуспешно. Лучше заняться курганами Владимирской земли, знакомыми ему по экскурсиям близ Карачарова. Проект был принят, из казны выделили 2500 р., и раскопки начались.

В 1851 г. за 98 дней раскопали 757 курганов в 17 группах во Владимирском и Суздальском уездах, в 1852 г. - 2318 курганов в 77 группах в Суздальском и Юрьевском уездах. У Уварова были какие-то помощники. Имя одного из них - надворного советника А.И. Пискарева - встречается в документах и отчетах. Графическая документация велась владимирским землемером В. Алеевым (планы курганных групп) и художником Н. Медведевым (зарисовка находок).

В следующие два года экспедицию возглавлял П.С. Савельев, вскрывший 4654 кургана в Юрьевском, Переяславском и Ростовском уездах (т.е. частично не во Владимирской, а в Ярославской обл.). Таким образом, Савельев исследовал значительно больше курганов, чем Уваров, и упреки в несовершенстве методики должны быть адресованы и ему, а не одному Уварову, как это делали В.И. Равдоникас и А.В. Арциховский.

Можно ли сказать про эти раскопки вслед за Арциховским, что, «даже для своего времени они возмутительны» [6, с. 194], или вслед за В.А. Лапшиным надо признать их образцовыми? Истина находится посередине. Главный упрек со времен А.А. Спицына сводился к тому, что комплексы могил не были выделены, все находки свалены в кучу, нет ни дневников, ни описей. Это не совсем так. Дневники Уварова были обнаружены А.Н. Кирпичниковым не где-нибудь, а в фондах Государственного Исторического музея. С помощью их В.А. Лапшин, А.Е. Леонтьев, Е.А. Рябинин, К.И. Комаров и др. сумели выделить ряд бесспорных комплексов из раскопанных Уваровым и Савельевым курганов [29, с. 228, 229; 30, с. 67-79; 31]. Описи же вещей приложены к книге Уварова о мерянах. Выяснилось, что раскопки насыпей велись не колодцем или траншеей, как нередко делалось уже в XX в., а на снос. Правда, ровики у курганов не прослеживались, хотя это умел еще А.Д. Чертков в 1839-1845 гг. [32, с. 234-250]. В дневниках достаточно подробно описаны захоронения, как с сожжением, так и с труположением. Чертежей - ни разрезов, ни планов - нет, но их тогда не делал никто. Таким образом, говорить о «возмутительной методике» нельзя. Раскопки были проведены на уровне своего времени. Неоправдан был размах работ, привлекающий В.А. Лапшина своей «масштабностью». Начиная исследование малоизвестных памятников, требовалась не масштабность, а нечто совершенно иное - медленное, тщательное изучение небольшого числа объектов.

Это то, что касается полевой работы. Хуже с музейными коллекциями. Почти все они депаспортизованы. В.А. Лапшин считает, что документация утрачена не в поле, а уже в музеях, например при передаче коллекций в Оружейную палату, оттуда в Румянцевский музей, а оттуда в Исторический. Частично это может быть и так, но кое-что настораживает в книге самого Уварова. В курганах нашли всего три меча. При публикации место находки одного из них указать уже не удалось [33, с. 124]. В ящиках с коллекциями, посланных в Москву, образцов курганной посуды почему-то «не оказалось» [33, с. 111].

О стратиграфических наблюдениях не было и речи. Возьмем вопрос о каменных орудиях, найденных во владимирских курганах. Возможны три случая: 1) среди тысяч средневековых курганов было несколько первобытных: мы ведь знаем абашевские курганы и во Владимирской, и в Ярославской обл. (раскопки Б.А. Куфтина и Л.А. Михайловой); 2) каменные орудия были положены в могилы деревенских колдунов как магические «громовые стрелы»; 3) эти орудия попали в курганы с земли, взятой с площади неолитических стоянок (как в Кончанском у Н.К. Рериха). Понять, какое из этих предложений верно, по записям Уварова невозможно.

Одной из самых важных находок в курганах считался глиняный идол из с. Вески. Между тем то игрушка XVII-XVIII вв., случайно попавшая в насыпь [34, с. 246, 247].

Как видим, упреки, обращенные к Уварову, небезосновательны. 26-летний археолог, впервые приступивший к раскопкам, проявил неуместную торопливость и небрежность.

Раскопки велись в древнерусских городах - Владимире, Суздале, Кидекше, и на городищах раннего железного века, но об этом из дневников и публикаций можно узнать совсем мало. Обломки посуды и прочие рядовые вещи из культурных слоев сохранены не были. Но учтем, что занимался этими раскопками в основном П.С. Савельев, а жилые слои тогда никто копать не умел.

Антропологический материал из курганов был взят выборочно, в небольшом числе и так и остался необработанным. А.Д. Чертков десятилетием раньше добился большего. Попытка Уварова провести в аптеке Феррейна анализ металлических вещей из раскопок мало что дала.

Большой удачей было то, что в курганах встретилось много монет, арабских и западноевропейских. Определял их, вероятно, опытный нумизмат и ориенталист П.С. Савельев, но Уваров об этом не сказал. Так или иначе, даты были ясны.

Савельев собирался сам написать о своих раскопках, но не успел это сделать (умер в 1859 г.). Уваров в 1856 г. поместил краткую заметку о владимирских курганах в «Записках

Русского археологического общества» [35, с. 102-104] и надолго отложил обработку материала. Итоговый труд «Меряне и их быт по курганным раскопкам» вышел в 1871 г. в «Трудах I Археологического съезда», а затем отдельно (М, 1872, 216 с. + атлас).

На первой же странице своей работы Уваров говорит, что он и Савельев исследовали памятники мерян. Мы знаем, что гораздо больше, чем мерянских, на Владимирщине древнерусских кривичских курганов. Ошибка связана с твердой убежденностью Уварова, как и других археологов середины XIX в., в том, что христиане - русские не могли насыпать холм над могилой умерших сородичей и класть туда какие-то вещи. Это обряд языческий, следовательно, курганы не славянские. Находки крестиков в могилах Уваров объяснял тем, что меряне, получив их от русских, использовали просто как украшения.

Другая бросающаяся в глаза ошибка Уварова состоит в том, что весь материал взят им водной плоскости, как одновременный. Учтены все археологические находки в «Земле мерян» - от Клязьмы до Твери на западе, Углича и Ярославля на севере, Шуи и Костромы на востоке. Среди этих находок - каменные орудия и Галичский клад бронзового века, но Уваров воспринимал эти памятники как одновременные с курганами и утверждал, что еще в X-XI вв. меряне широко пользовались каменными орудиями.

В то же время труд Уварова обладает и бесспорными достоинствами. У него, как всегда, была программа исследований, которую он старался осуществить. Задача ставилась историческая - восстановить «домашний быт» одного из летописных племен. Широко использовались летописи, известия арабских путешественников, материалы раскопок, и предшествующих (А.Д. Черткова, Н.А. Ушакова, С.Д. Нечаева), и проведенных в 1860-х годах (А.П. Богданова, Л.П. Сабанеева), не только в России, но и в Дании, Прибалтике. Находки из собственных раскопок разделены Уваровым на две хронологические группы в соответствии с нумизматическими данными. Коллекции описаны суммарно по категориям: орудия, оружие, украшения и т.д. К книге приложен атлас с изображениями типичных вещей.

Оценивая труд Уварова сегодня, не забудем о том, какой большой путь успела пройти наша наука с 1851-1869 гг. Считать работу Уварова образцовой оснований нет, но и возмутительной ее назвать нельзя. Это книга своего времени, впервые познакомившая ученых с массовым курганным материалом и содержащая опыт сопоставления археологических и письменных источников. Для середины XIX в. это было важно.

Во время экспедиции во Владимирскую губернию Уваров решил еще одну задачу - Д.М. Пожарского в Спасо-Ефимьевском монастыре в Суздале. Письменных указаний на то, где именно она была расположена, не сохранилось. Пришлось провести раскопки. Была найдена надгробная плита с именем Федора Дмитриевича Пожарского - сына

полководца - и рядом несколько безымянных надгробий. Над ними впоследствии была возведена мраморная часовня. В 1863 г. в ней молился Александр II. После революции ее разрушили. Монастырь стал закрытой колонией малолетних преступниц. После Отечественной войны место захоронения Пожарского вновь отметили памятником и открыли для посещения.

В 1853 г., оставив раскопки владимирских курганов на П.С. Савельева, Уваров вновь вернулся в Причерноморье. Он провел раскопки в Ольвии, Херсонесе и на городище Керменчик - руинах Неаполя Скифского около Симферополя. В Ольвии и Херсонесе исследовались и могилы. Осматривал Уваров и другие памятники, например Чуфут-кале под Бахчисараем. Копать древние города тогда не умели. В основном охотились за надписями и монетами. Толковой информации о раскопках в Ольвии и Неаполе у нас нет.

Удачнее были работы в Херсонесе. Здесь расчищали остатки впервые выявленной в городе византийской базилики с хорошо сохранившимися мозаичным полом, 24 мраморными колоннами и капителями. Размер ее 50х22 м. Получив доклад Уварова об этом открытии, Николай I приказал перенести мозаику в Эрмитаж. Она была разобрана, отреставрирована на Петергофской гранитной фабрике и уложена в одном из залов Эрмитажа (ныне II зал античного отдела).

При расчистке базилики были найдены монеты IV-X вв. Уваров счел, что она возведена при Константине Великом и функционировала до X в. [36, с. 62, 63]. По сведениям Д.В. Айналова, в раскопках базилики участвовал архитектор Андреев, Уваров об этом не упомянул [37, с. 5].

Раскопки завершились в 1854 г. под залпами франко-английской эскадры. Началась Крымская война. Об экспедиции 1853-1854 гг. Уваров издал краткие информации в сборнике П.М. Леонтьева «ПроPILEИ» и в «Извлечении из всеподданнейшего отчета» [38, с. 525-537]. Вероятно, подробно о раскопках предполагалось рассказать в III томе «Исследований о древностях Южной России», но этот том так и не вышел. В некоторых биографиях Уварова говорится, что в III томе речь должна была идти о его поездке по берегу Черного моря до устья Кубани. Что было сделано во время этой поездки и были ли какие-нибудь записи о ней, мы не знаем.

В 1854 г. закончился первый период научной деятельности Уварова. Четырьмя сезонами 1851-1854 гг. в сущности, исчерпывается его активная полевая работа. Позже он провел очень небольшие раскопки каменных ящиков кизил-кобинской культуры под Гаспррой и пещеры Ореанда в Крыму в 1875 г., а также стоянок первобытной эпохи под Муромом в 1877-1878 гг., изредка выезжал смотреть чужие раскопки: в 1875 г. с И.С. Поляковым в Фатьяново, в 1883 г. с В.И. Сизовым в Гнездово. Вероятно, Уваров

удовлетворил свою страсть полевого исследователя, а может быть, понял и то, что погоня за добычей материала дает меньше, чем скрупулезное изучение немногих, но тщательно выбранных объектов.

Второй период жизни Уварова – 1854-1864 гг. - представляет собой резкий контраст с предшествующим. Много изменилось в его жизни, большие перемены произошли и в жизни страны. В 1855 г. умер С.С. Уваров. Алексей Сергеевич стал наследником огромного состояния. В делах надо было навести порядок. Из Карачарова он перебрался в Поречье, где стал устраивать и дом, и музей, и библиотеку. С.С. Уваров собирал антики и картины. Его сын больше интересовался русскими древностями. Своему собиранию древнерусских рукописей он положил начало, купив коллекцию И.Н. Царского (более 800 номеров), И.П. Сахарова (более 300), А.С. Норова. В дальнейшем собрание пополнялось путем покупок на Сухаревке в Москве и на Нижегородской ярмарке. Были, кроме того, богатые собрания икон, монет, древней утвари, археологических находок. Некоторые предметы Уваров подробно описал сам (например, [39, с. 1-17; 40, с. 13-25]). В 1897-1908 гг. издано в нескольких выпусках описание этого собрания [4]. После революции культурные сокровища, скопившиеся в Поречье, разошлись по ряду музеев, но в основном попали в ГИМ.

Второе важное событие после смерти отца - смерть Л.А. Перовского в 1856 г. Долгожданная Археологическая комиссия в 1859 г. была учреждена, но возглавил ее С.Г. Строганов - враг С.С. Уварова (о чем было известно уже в 1857 г.) [42, с. 96]. Младший Уваров поддерживал с ним отношения, о чем говорят ссылки на коллекции Строганова в Уваровских работах, но служить под его началом не хотел. От активной деятельности в археологии Уваров был тем самым оттеснен. Он прослужил в Петербурге до 1857 г., после чего был помощником попечителя Московского учебного округа. Потом ушел в отставку в придворном чине камергера.

Равнодушно глядеть на то, что происходило в России, Уваров не считал возможным. В годы Крымской войны вступил во Владимирское ополчение, хотя и не участвовал в боевых действиях. Затем надо было заняться освобождением своих 16000 крепостных крестьян. Уваров принял участие в земской деятельности, устраивал больницы и школы в Московской и Владимирской губерниях, был предводителем Можайского дворянства, щедро жертвовал большие суммы на общественные нужды из своих средств.

В 1859 г. Уваров женился на княжне Прасковье Сергеевне Щербатовой (1840-1924) и отправился с ней на два года в свадебное путешествие за границу. Побывали в Англии, где Уваров навестил А.И. Герцена [43, с. 140], Испании, Франции, но дольше всего задержались в Италии. Возвращался он туда и посещал другие страны (Австрию, Данию)

и позже, в 1860-1880-х годах. При этом он не только осматривал разнообразные памятники культуры, но и делал записи о них, набрасывал какие-то задуманные работы. При жизни Уварова издано из этого было не все. В дальнейшем эти записи составили весь первый и часть второго его «Сборника мелких трудов» (М., 1910).

Из этой публикации видно, что интересовали Уварова не памятники Ренессанса, барокко и классицизма, а византийские храмы, мозаики и иконы. В программной речи на III Археологическом съезде он говорил, что для русской археологии важнее всего три круга зарубежных древностей - византийский, скандинавский и славянский [44, с. 37]. С памятниками этих трех областей он и старался знакомиться.

В Италии он прожил два месяца в Равенне с ее византийскими храмами V-VII вв. и заказал множество фотографий с них для задуманной книги. Мозаика с изображением Богородицы - Нерушимой стены вызвала в его памяти мозаику Киевского Софийского собора с Богородицей-Орантой, и он посвятил специальную статью сопоставлению этих изображений [45, с. 32, 33]. В Ватикане Уваров изучал образцы русской и византийской иконописи, в романских соборах Генуи и Пармы искал истоки владимиристо-суздальской архитектуры [46, с. 252-256]. В Венгрии, Чехии, Моравии, Галиччине и на Буковине его внимание привлекли деревянные церкви, чем-то напоминавшие русские [47, с. 1-24]. Бронзовые двери в соборах Новгорода Великого и Александра натолкнули на поиски аналогичных дверей в западных храмах. Изображения Иоанна Предтечи на византийских мозаиках и росписях сравнивались с теми, что известны в Успенской церкви на Торговой стороне и Рождественской в Десятинном монастыре в Новгороде, в церкви Ильи Пророка в Ярославле и т.д.

Главную же свою цель Уваров видел в создании обобщающих трудов «История византийского искусства» и «Христианская символика». Начатая в 1850-х годах при посещении Рима и Неаполя последняя рукопись дополнялась автором до конца дней. Ему хотелось проследить развитие символики от раннехристианского периода (т. I) до Византии и древней Руси (т. II), дав в конце каталог символов, вошедших в иллюстрации «Бестиариев», «Физиологов» и т.д. (т. III). В 1908 г., через полвека после написания, издан I том (206 с.). Второй был подготовлен к печати, но не вышел и хранится в архиве Уварова. Книга к моменту издания сильно устарела, но показательно, что в подготовке ее к печати участвовали такие ученые, как Е.К. Редин, С.А. Жебелев и Д.В. Айналов. Очевидно, они считали ее небесполезной. Автор исходил из того, что символика возникла в связи с необходимостью для христианских общин скрываться от преследований и в то же время передавать посвященным принципы своего учения. В основе многих символов лежат античные изображения.

Несколько раньше, в 1890 г., но тоже посмертно, был издан «Византийский альбом графа А.С. Уварова» (т. I, 107 с.). Это черновики, сырой материал к ненаписанной «Истории византийского искусства», готовившейся по материалам, собранным в Париже, Лондоне и Италии.

Работы Уварова по византийскому и древнерусскому искусству содержат ряд полезных наблюдений, но не могут идти в сравнение с трудами его современника Н.П. Кондакова и в целом большой роли в развитии этой области знания не сыграли, отчасти и потому, что были опубликованы слишком поздно (см. [48, с. 233-237; 49, с. 131-133]).

В 1864 г. начался третий, последний и наиболее плодотворный период в жизни Уварова. Он окончательно обосновался в Москве, снял, а в 1881 г. купил здесь дом в Леонтьевском переулке (ныне ул. Станиславского, д. 18) [50, с. 46-48] и стал думать о создании в старой столице своего, независимого от Петербурга Центра археологических исследований.

12 февраля 1864 г. Уваров пригласил к себе в Поречье нескольких известных московских любителей и исследователей старины. Среди них были А.А. Гатцук, Д.П. Сонцов, Г.Д. Филомонов, С.В. Ешевский, К.К. Герц. Хозяин предложил им организовать в Москве новое археологическое общество, наметив три задачи: 1) занятия археологией, преимущественно славянорусской, 2) популяризация этой области знания в широких кругах с тем, чтобы «возбудить в обществе сочувствие к археологии», 3) устройство археологических съездов. Предложение было встречено сочувственно. Официально общество открылось 4 октября 1864 г. Вскоре в его состав вошел цвет московской профессуры: Ф.И. Буслаев, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, А.А. Котляревский, А.Н. Афанасьев, И.Е. Забелин, О.М. Бодянский, а от царя были получены разрешение на деятельность общества и денежная субсидия в 3000 р. (позднее 5000 р.) в год [51].

Московское археологическое общество (МАО) не копировало петербургское (РАО). Профиль намеченных исследований был иной. Для петербургских антиквариев традиционным был предпочтение из всех древностей античных и скифских. МАО занималось преимущественно первобытными памятниками, древностями эпохи железа и особенно русской тематикой. Район работ - лесная зона Европейской России, а позднее Приуралье и Кавказ. Среднеазиатской тематики, развивавшейся в Петербурге, москвичи тогда не затрагивали. Развитие же археологии в Сибири шло мимо обоих центров, в основном по линии Русского географического общества.

Бросается в глаза, что среди членов-учредителей МАО в отличие от РАО почти нет людей иностранными фамилиями. Национальное самосознание за 20 лет возросло, да и Москва более русский город, чем космополитический Петербург XIX в.

Важен открытый характер МАО. Заседания петербургских антиквариетов были камерными, закрытыми, а у москвичей - доступными для всех. Читались здесь и публичные лекции, в том числе самим Уваровым. В этом сказался дух демократических 1860-х годов.

Археология в Москве, как и в Петербурге, понималась расширительно, т.е. включала в себя и историю древней архитектуры, и живопись, и археографию, и чисто исторические темы, если они касались не политических событий, а быта людей. Границей для Уварова был 1700 г. Все историко-бытовые вопросы более раннего времени входили в круг интересов общества.

Члены МАО регулярно собирались на научные заседания, где читали и обсуждали те или иные доклады. Уваров в этом отношении был очень активен. За 20 лет он прочел более 70 докладов на самые разные темы - от каменного века, заинтересовавшего его в эти годы, до русской нумизматики, иконописи и архитектуры.

С 1865 г. МАО выпускало свои труды - «Древности». В 1867 г. была сделана попытка печатать журнал «Древности. Археологический вестник» под редакцией А.А. Котляревского, но дело не пошло. Продолжали не периодически выходить «Древности. Труды МАО». При жизни Уварова вышло 9 томов. Они, пожалуй, не могут соперничать с «Записками Русского археологического общества», где в серии классических древностей мы найдем статьи В.В. Латышева, М.И. Ростовцева и Б.В. Фармаковского, в серии славяно-русской археологии - статьи А.А. Спицына, в серии восточной - труды В.Р. Розена и В.В. Бартольда. В «Древностях» преобладают полезные для своего времени, но сейчас уже устаревшие статьи по древнерусскому искусству и быту. О них нужен особый разговор. Ценных публикаций по археологии в современном смысле слова не так много. Можно все же указать на статьи Н.Н. Муравьева-Карского о Скорняковских курганах эпохи бронзы, А.К. Кельсиева о Митинских вятических курганах, «Описание Тверского музея» А.К. Жизневского с дополнениями Уварова и др.

Уваров поставил перед обществом задачу создать археологический словарь. Материалы для него публиковались в каждом томе. 30 статей написано самим Уваровым: «Апракос», «Алкопос», «Потир», «Сион», «Божница», «Закомара», «Жилище» и т.д.

Важными были начинания МАО в области охраны памятников культуры. В Петербурге над этим тогда еще не задумывались. В МАО же с 1870 г. начала действовать специальная комиссия по этому вопросу. Общество предотвратило разрушение зданий в Боголюбове, палат дьяка Аверкия Кириллова в Москве и других ценных объектов. Дом Аверкия Кириллова был передан Александром II МАО, и оно собиралось здесь на протяжении полувека.

Мысль о созыве археологических съездов была высказана уже при создании МАО, а разрешение на это было получено в 1868 г. 16 марта 1869 г. в Москве открылся I съезд. Председательствовал на нем и делал доклад «О судьбах археологии в России» М.П. Погодин. Это было не только данью уважения к старейшему русскому историку, но и следствием давних связей Погодина с семьей Уваровых. При подготовке к съезду был разработан вопросник, ответы на который должны были, так или иначе, содержаться в докладах. Так делалось и в дальнейшем. Благодаря этому заседания шли не стихийно, а по заранее намеченной программе. Позже подготовительные комитеты к съездам проводили раскопки близ тех городов, где намечались съезды, и участники их выезжали в поле, доследовали памятники и обменивались мнениями. В этом проявилась сильная сторона организаторской деятельности Уварова. На I съезде был поставлен вопрос «о мерах к сохранению памятников в России».

II съезд провели в Петербурге в 1871 г. к 25-летию Русского археологического общества. Был вынесен на обсуждение разработанный МАО проект закона об охране памятников. Предлагалось взять за образец законы, существовавшие в тот момент на Западе, - учредить в столице центральную комиссию и округа на местах.

III съезд состоялся в Киеве в 1874 г. Здесь прозвучали новые для археологов темы. Ф.И. Каминский и К.М. Феофилактов сообщили о раскопках первой в России палеолитической стоянки - Гонцы под Полтавой. Н.И. Костомаров привел в своих воспоминаниях любопытный эпизод: когда участники съезда отправились осматривать Софийский собор, протоиерей встретил их вопросом: «Не пожаловали ли Вы сюда отыскивать доказательства, что человек произошел от обезьяны?» - «Мы не шагаем в такую даль», - поспешил успокоить его Уваров [52, с. 421].

IV Археологический съезд проходил в Казани в 1877 г. Здесь Уваров опирался на ученых Казанского университета и местных любителей старины, традиционно занимавшихся древностями Волжской Болгарии, Прикамья и Приуралья, - С.М. Шпилевского, Д.А. Корсакова, П.Д. Шестакова, А.Ф. Лихачева и др.

Особенно серьезной подготовки потребовал V съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881г. Хотя раскопки на Кавказе начались раньше (в 1877 г. Г.Д. Филимонов исследовал Кобанский могильник, а к 1881 г. за 30 лет Ф.С. Байерн вскрыл до 300 захоронений на Мцхетском могильнике), археология Кавказа как особая дисциплина еще не сложилась. Уваров до съезда побывал и в Кобани, и во Мцхете, сам провел там раскопки, съездил в Пятигорск на раскопки Д.Я. Самоквасова, в Дагестан, Кутаиси и Армению. Впечатления были самые разнообразные, от размышлений о бронзовом веке до знакомства с рукописями Эчмиадзинской библиотеки. Были куплены коллекции для создававшегося в

Москве Исторического музея, а в Тифлисе открыт Кавказский музей (ныне Музей Грузии). Написан ряд работ: «Значение Осетии для археологии», «Мцхетский могильник», «Курганы с расчленениями близ Дербента». В съезде участвовали представители местной интеллигенции: А.Д. Эрицов, Д.З. Бакрадзе и др. Впервые были изданы два объемистых тома «Трудов предварительного комитета по устройству» съезда. В 1981 г. Всесоюзное совещание археологов в Тбилиси отметило столетие V Археологического съезда как отправной точки для развития кавказской археологии.

Последний съезд, на котором уже больным председательствовал Уваров, был в 1884 г. в Одессе. Здесь, в отличие от других съездов была представлена и античная тематика.

На всех съездах Уваров выступал с несколькими докладами, иногда по частным вопросам, иногда по теоретическим. Из них наиболее важен доклад на III съезде – «Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии». В нем даны исходные позиции автора. Археология понимается как «наука, изучающая древний быт народов по всем памятникам, какого бы ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа». Археологический памятник - это то, что непременно «связано с местом находки, эпохой и условиями ее». Русская археология изучает «древний быт по памятникам, оставшимся от народов, из которых сперва сложилась Русь, а потом Русское государство». В число таких памятников входят и стоянки каменного и бронзового веков как один из компонентов сложения русской культуры. Широко распространенный тогда термин «доисторическая археология» Уваров предлагал заменить на «первобытная» [44, с. 19-38, цитаты с. 21, 22, 31, 32]. Доклад показывает, что уже в 1874 г. ставился вопрос о преподавании археологии. Он не был решен ни при жизни Уварова, ни 25 годами позже. Только в 1909 г. А.А. Спицын начал преподавать археологию в Петербургском университете.

Отмечу и поставленную Уваровым перед коллегами задачу подготовки археологических карт отдельных областей, осуществленную частично после его смерти (карты Киевской, Волынской, Подольской губерний в «Трудах» съездов).

«Труды» съездов публиковались ин-фолио с таблицами на меловой бумаге. Наряду с «Материалами по археологии России», «Известиями археологической комиссии» и «Записками Русского археологического общества» они составляют основной фонд наших источников о памятниках древности, изученных в России в дореволюционное время.

Другим важнейшим начинанием Уварова в последние десятилетия его жизни было создание Российского Исторического музея. Мысль об этом возникла во время Политехнической выставки 1872 г. [9, с. 224-267; 42, с. 169-177; 53]. Там был особый Севастопольский отдел, отражавший героическую оборону Севастополя во время

Крымской войны. Председателем комиссии по устройству отдела был генерал-адъютант А.А. Зеленый. Его заместитель Уваров принимал деятельное участие в подготовке экспозиции. Тогда и появилось предложение сохранить собранные экспонаты и взять их за основу постоянного русского национального музея. Было составлено ходатайство об этом царю, и 9 февраля 1872 г. Александр II повелел учредить комитет по устройству в Москве Музея его императорского высочества наследника цесаревича. Возглавлял комитет Зеленый, но он жил в Петербурге, так что вся сложнейшая организационная работа легла на плечи его заместителя Уварова.

Надо было получить землю для строительства музея. Ее выделила городская дума. Нужно было провести конкурс на лучший проект здания. Выбран был проект архитектора В.О. Шервуда и инженера А.А. Семенова. Проект встретил возражения членов комитета, особенно со стороны И.Е. Забелина. Приходилось что-то переделывать. Требовался проект экспозиции. Уваров составил его в 1873 г., стремясь охватить все материалы от каменного века до царствования Александра II. Тем самым создавалась сплошная историческая экспозиция без отрыва отечественных памятников эпохи средневековья от первобытных и античных, что нередко бывало в западноевропейских музеях. Пожалуй, образцом для Уварова стал Датский национальный музей в Копенгагене, где он был в 1869 г. Уваров разработал устав музея в двух вариантах - 1874 и 1882 гг. Свои личные собрания - изделия каменного, бронзового и железного веков, античных и славянских древностей, икон и рукописей - археолог предоставил для показа в музее, не располагавшем еще какими-либо экспонатами, и побуждал к этому членов МАО. Ряд коллекций был куплен, например, у П.О. Бурачкова. Необходимо было подумать и об оформлении залов. Уваров заказал картины для музея известным живописцам И.К. Айвазовскому, В.М. Васнецову, Г.И. Семирадскому, подбирал и художников-оформителей.

Целиком поглощал музей силы Уварова с 1881 г., когда вступивший на престол Александр III выразил пожелание, чтобы к его коронации в Москве музей был открыт. К средствам, выделявшимся городской думой, добавились правительственные субсидии. В 1881 г. умер Зеленый. Председателем правления музея назначили великого князя Сергея Александровича - брата царя и генерал-губернатора Москвы. Товарищ Председателя Уваров был фактически директором музея.

23 марта 1883 г. было открыто 11 залов. Первый и второй были посвящены каменному веку, третий и четвертый - бронзовому, пятый - железному, залы А, Б, и В - античным городам Ольвии и Пантикапею и христианским древностям Херсонеса, шестой зал - скифам, седьмой и восьмой - Киевской Руси с 988 до 1054 г.

С созданием Московского археологического общества и Российского Исторического музея благодаря Уварову сложился московский археологический центр, независимый от петербургского, а порою и противостоявший ему. Археологические съезды, собиравшиеся МАО, сделали Москву центром притяжения для провинциальных исследователей древности. Преподаватель Вятской гимназии, выпускник Петербургского университета, ученик К.Н. Бестужева-Рюмина А.А. Спицын начал свою работу в области археологии при поддержке Уварова и МАО.

Наряду с организационной деятельностью в 1870-1880-х годах Уваров продолжал заниматься и собственно научными исследованиями. Основной стала для него проблема каменного века. Возникшая в Западной Европе еще в первой половине XIX в., широкий резонанс получила она в середине его после выхода книг Ч. Дарвина, открытия неандертальского человека и свайных построек, признания английскими геологами достоверности находок Ж. Буша де Перта на Сомме. В России в период николаевской реакции эта проблематика не могла разрабатываться, но в годы реформ вызвала интерес не только ученых, но и всей интеллигенции [54, с. 9-11, 17-35]. Поиски памятников каменного века в России успешно вели ученые-естествоиспытатели И.С. Поляков, К.С. Мережковский, А.А. Иностранцев. Общие соображения о происхождении и ранней истории человечества высказывали в журналах Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, Н.В. Шелгунов и другие представители революционно-демократического лагеря. В этих условиях очень важно было, какую позицию займет официальная археологическая наука России. Императорская археологическая комиссия этой тематики явно сторонилась. Уваров поступил иначе.

В 1869 г. он побывал на Международном археологическом конгрессе в Копенгагене, познакомился там с такими учеными, как К. Фогт, Р. Вирхов, И. Ворсо, Ж. Катрафаж. Фогт вызвал у Уварова некоторую опаску: «что Дарвин не посмел высказать, то он развил до крайних пределов». «Шагать в такую даль», т. е. рассматривать вопрос о происхождении человека от животных, Уваров не собирался, но вот кьеккенмеддинги, которые он увидел были реальными археологическими памятниками. Хотелось отыскать подобные в России [55, с. 951-966].

Во время заграничных путешествий Уваров посетил раскопки Ментонских гротов и пещеры Выпустек в Моравии. Собственный опыт пещерных раскопок в Крыму [56, с. 19-23] и Язоновом гроте у Кутаиси результатов не дал. Зато в июне 1877 г. произошло неожиданное событие. Крестьяне села Карачарова нашли в овраге кости мамонта и известили об этом хозяина имения. Раскопки на месте находки убедили Уварова в том, что останки мамонта залегают в одном слое с кремневыми орудиями. Так была открыта

одна из первых в России (после Гонцов и Каменец-Подольского) палеолитических стоянок.

Уваров не бывал в Карачарове с 1855 г. Тут он узнал, что в Муроме есть человек, собирающий каменные орудия. Это был землемер по крестьянским делам Н.Г. Добрынкин. Он разыскивал кремни на дюнах Оки и Велетьмы у с. Волосова и в урочище Плеханов бор. В 1878 г. Уваров провел раскопки и в этих пунктах, найдя в Волосове пять неолитических погребений [57, с. 19-21].

К исследованиям памятников каменного века под Муромом он привлек группу авторитетных специалистов: И.С. Полякова, В.В. Докучаева и В.Б. Антоновича. Они выступили в печати со своими соображениями об исследованных стоянках. В этом можно видеть прообраз комиссий ученых, работавших позже в Киик-Кобе, Костенках, Староселье.

Ошибкой Уварова было то, что небольшую коллекцию кремневых орудий из Карачарова он разделил на части и раздарил коллегам. С.Н. Замятнину пришлось вновь собирать ее, но ряд предметов был утрачен [58, с. 5-14].

Материалы, добытые в процессе собственных раскопок и увиденные на археологических съездах, где демонстрировал свою коллекцию из Карелии Н.Ф. Бутенев, побудили Уварова взяться за обобщающую работу о каменном веке. Задумана была сводка «Археология России». I том ее составлял обзор «Каменного периода». Книга вышла в двух выпусках в 1881 г. В первом выпуске - 440 с., во втором - 152 с. и 49 таблиц с рисунками сотен предметов. Я уже писал об этой книге [54, с. 84-102] и здесь могу ограничиться немногим.

Уваров учел практически все находки каменных орудий, сделанные к 1880 г. в России, описав 6428 пунктов. Среди них немало и изделий эпохи бронзы, например из Фатьяновского могильника. Уваров отнес его к каменному периоду, хотя в целом допустил употребление каменных орудий до весьма позднего времени, ссылаясь на свои старые находки во владимирских курганах [59, с. XIX; 60, с. LXXXII]. Перечислены были и находки костей четвертичных животных. Сделана попытка обрисовать быт человека каменного века с выделением двух этапов: палеолита, когда люди охотились на мамонтов и носорогов, и неолита, когда они занимались рыболовством и охотой на мелких животных. Основные положения книги Уварова, - скажем, идея о распространении человека в Европу из Азии или о существовании искусственных неолитических пещер - принадлежат его времени. Но сводка материала остается и сохраняет известную ценность до сего дня.

Уваров первым сделал шаг от сбора материалов о древностях России к систематизации их, положил начало той работе по классификации коллекций, которую так успешно развили в конце XIX-начале XX в. В.И. Сизов, А.А. Спицын, В.А. Городцов. Главное же в том, что Уваров ввел материалы каменного века в общую систему русских древностей, предотвратив отрыв первобытной археологии от остальных ее разделов, что мы наблюдаем во многих западноевропейских странах и что вполне могло случиться в России при противостоянии естествоиспытателей-разночинцев археологам, получившим гуманитарную подготовку.

Уваров думал и о следующих томах «Археологии России», о чем свидетельствуют некоторые его наброски. И там есть интересные моменты, например сопоставление кобанских находок с гальштатскими [61, с. 61-75]. Но завершить задуманное Уварову не было суждено. 29 декабря 1884 г. он скончался.

Уваровские начинания не пошли прахом после его смерти. Московское археологическое общество просуществовало до 1923 г. Председателем его стала вдова покойного Прасковья Сергеевна. Долгие годы она помогала в работе своему мужу, разделяла его интересы, но выбор членов МАО определялся не столько этим, сколько тем, что нужно было избрать человека богатого, влиятельного, со связями при дворе и весом в Москве. В роли организатора Прасковья Сергеевна проявила себя очень энергичным, волевым, щедрым человеком. Ученым в полном смысле слова она не стала, хотя опубликовала до 200 работ, в том числе большую книгу «Могильники Северного Кавказа», была избрана почетным членом Академии наук. Это яркая личность, и хорошо, что сейчас вспомнили не только о А.С. Уварове, но и о ней. И все же думаю, что изображать ее крупным ученым, равным по заслугам своему мужу [62, с. 5-7], нет оснований. Уварова часто называют дилетантом. Его вдова была дилетантом в еще большей мере, а так как действовала она уже в конце XIX - начале XX в., дилетантизм ее особенно бросается в глаза.

Впрочем в жизни МАО большую роль играла не только она, но и плеяда незаурядных ученых: И.Е. Забелин, В.И. Сизов, Д.Н. Анучин, позже В.А. Городцов. По-прежнему нелегко складывались отношения МАО с Археологической комиссией в Петербурге. Шла борьба за то, кто из них должен исследовать Херсонес [63, с. 33-38]. В архиве П.С. Уваровой есть папка бумаг, названная «Пререкания с Археологической комиссией». С этой борьбой в какой-то мере связан и резкий отзыв А.А. Спицына о раскопках владимирских курганов А.С. Уваровым.

После революции П.С. Уварова эмигрировала в Югославию. Там она писала книгу об истории МАО. Цела ли эта рукопись и где она, неизвестно. Вместо Уваровой

председателем МАО стал Д.Н. Анучин. Ему было уже под 80, и в сложной послереволюционной обстановке помочь МАО сохранить свое лицо он не смог. После смерти Анучина в 1923 г. Московское археологическое общество прекратило свое существование.

До революции продолжали выходить труды МАО – «Древности» (т. X-XXV, 1885-1916) и возникло несколько новых серий – «Археологические известия и заметки» (1893-1900, по 6 сдвоенных номеров в год